

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

Самозванство — безусловно, один из тягчайших грехов. Несмотря на это, оно становилось в некоторые времена расхожим делом, и присваивали себе чужое имя не только самые дурные люди. На Руси эпоха, в центре которой Великая Смута, — золотое время для самозванцев. Их было так много, а значение некоторых столь велико, что исследователи нет-нет да и задумывались: а не был ли тот или иной из них не таким уж и самозванцем? Да и где она вообще-то, историческая правда — в хуле или похвале им? Ведь самозванством грешили и Пугачев, и легендарная папесса Иоанна... Самозванец — герой и предлагаемого читателям исследования Владимира КУКОВЕНКО. Тимофею Акундинову предъявляли тягчайшие обвинения. Но достоверны ли они? Что двигало этим человеком, с кажущейся легкостью менявшим вероисповедания и обретавшимся при дворе то мусульманского властелина, то папы римского? Кто он?..

ОДИННАДЦАТЫЙ САМОЗВАНЕЦ

Владимир КУКОВЕНКО

После Лжедмитрия I какой-то вирус самозванства охватил искателей приключений, бродяг, изгоев общества. Видимо, необычайный успех Отрепьева неудержимо манил их повторить его головокружительный взлет. Они искали признания в России, они бежали за рубеж, пытались под разными именами привлечь симпатии тамошних вельмож. Многие готовы были отстаивать свои мнимые права под чужими знаменами, с чужим воинством идти лить отеческую кровь и отвоевывать московский престол. Как правило, это были выходцы из низов тогдашнего русского общества, не отличавшиеся ни умом, ни трезвостью мышления, ни кругозором. Пожалуй, главным их желанием было на какое-то время иметь деньги, власть, успех, предаться разгулу.

Особняком среди этих простоватых и явно уголовных типов стоит XI самозванец (по классификации русских историков). Личность незаурядная, более того, многоталантливая и загадочная. Читая документы о нем, попадаешь в какой-то феерический, неестественно яркий мир странных происшествий.

В бесчетных грамотах, рассылаемых Посольским приказом во многие города Европы, где появлялся XI самозванец, он неизменно назывался «вором и изменником». Алексей Михайлович — второй Романов на российском престоле — прилагал немалые усилия к его поимке и доставке в Россию. Но, казалось, судьба с игривой улыбкой покровительствует своему баловню. Он ускользал от длинных рук сыскающего приказа, от многочисленных московских «узнавальщиков и поимщиков». Избегать длительное время ареста ему помогала окружающая его доброжелательность и симпатия людей, узнававших его с детства. Какое-то необъяснимое обаяние излучал этот человек — не исключая, что крайне легкомысленный, но и несчастный тоже. Перед почти магическими чарами его были безоружны и восточные вельможи Блистательной Порты, и казацкий гетман, и королева с суровых берегов Скандинавии.

Судьба наделяла его способностью уловлять человеческие сердца, он привлекал людей немалыми своими дарованиями. И может быть, вся его трагедия в том, что он не сумел распорядиться отпущенными ему судьбой дарами. Звезды, предсказаниями которых он верил, вели его иными, не совсем добродетельны-

ми стезями. И была, несомненно, в его жизни какая-то тайна, нераскрытая, а может быть, преднамеренно утаенная современниками.

Кто же он был — таинственный *cont Sinensis*, он же князь Шуйский, он же Тимошка Акундинов?

Официальная версия о самозванце, которую в течение нескольких лет распространял Посольский приказ, отличалась сухостью и расплывчатыми формулировками.

Адам Олеарий, ученый и посол немецких княжеств, в своем «Описании путешествия в Московию...» рассказал и об Акундинове. Версия, с которой познакомил читателя Олеарий, по сути, мало отличается от официальной, но зато полна интересных подробностей. Нельзя не отметить, что Олеарий описал нравственное падение, злодейские похождения и бесславную смерть нашего героя с ужасом и содроганием добропорядочного человека и законопослушного гражданина:

«Был некий русский, который желал именоваться *Johannes' Sinensis*, что, по его словам, по-сарматски переводится — Иван Шуйский... Истинное его имя — Тимошка Акундинов. Родился он в городе Вологде... от простых, незнатных родителей. Отец его назывался Демкою, или Дементием Акундиновым, и торговал холстом. Так как отец заметил в нем добрые способности и выдающийся ум, то он дал ему возможность прилежно посещать школу, так что Тимошка скоро научился читать и красиво писать... Помимо того, у него оказался еще хороший голос для пения — он умел красиво исполнять церковные песнопения — и поэтому тогдашний архиепископ Вологодский и Великопермский, именем Нектарий¹, полюбил его, принял ко двору своему и поместил в церковную службу. Здесь он вел себя так хорошо, что архиепископ выдал за него замуж дочь своего сына, рожденного до принятия архиепископом духовного сана... Промотав в беспорядочной жизни, после смерти архиепископа, имущество жены своей, он с женой и ребенком перешел в Москву, где его принял бывший друг его по архиепископскому двору Иван Патрикеев, дьяк приказа «новой четверти», и устроил писцом в том же приказе. И здесь он вел себя так хорошо, что ему поручили сбор и расходование денег; а заведовал приказ этими деньгами, получавшимися с великокняжеских кабаков и тракти-

¹ Ошибка Олеария. Архиепископа звали Варлаам.

ров. Некоторое время он добросовестно исполнял свои обязанности, но, наконец, подружился со скверными товарищами, стал пьянствовать и играть, и при этом прибрал к рукам великокняжеские деньги... ..он... не мог вернуть похищенных денег. В то же время и собственная жена Тимошки, с которой он жил не в ладах, стала сильно упрекать его... и Тимошка стал опасаться, как бы жена его... не совершила полной исповеди, после чего истина и все его злодеяния вышли бы наружу. Чтобы затушить это дело, он решил на еще большее преступление: он взял сына своего и привел его к доброму своему другу Ивану Пескову... а сам ночью вернулся в свой дом... запер жену свою в комнате... и сжег свой дом.

...Затем он бежал в Польшу... Это случилось осенью 1643 года. Когда, два года спустя, московские послы прибыли в Польшу... Тимошка стал опасаться, как бы о нем не стали спрашивать, то он в 1648 году бежал оттуда к казацкому полководцу Хмельницкому, у которого жаловался, будто его преследуют за происхождение его из рода великих князей. Лживыми речами он добился того, что стал Хмельницкому мил и любезен, и обращались с ним здесь хорошо.

...Нечистая совесть гнала его дальше, то он опять исчез и в 1648 году бежал в Турцию, дал себя обрезать и принял магометанскую веру. Так как здесь из-за блудного дела, им совершенного, угрожала опасность его голове, он тайно бежал, отправился в Италию, в Рим, и здесь принял римско-католическую веру.

Отсюда он направился в Австрию, в Вену, а затем в 1650 году в Трансильванию, или Семиградию, к князю Ракоци. Этот последний его принял, поверил хитрым его уверениям, сильно пожалел его и, по убедительной его просьбе, отпустил с рекомендацией к другим государям. Отсюда он направился в Швецию, где правившая в то время королева Христина ради рекомендательного письма князя Ракоци оказала ему всяческую милость и отпустила от себя с хорошими подарками...

Тем временем мать Тимошки и все, кто были в доброй дружбе с беглецами, из простого подозрения в существовании заговора, были заключены в тюрьму, подверглись пытке, а иные и померли при этом. Уйдя из Лифляндии, Тимошка отправился в Брабант и был, как он сам пишет, у эрцгерцога Леопольда. Отсюда он направился в Лейпциг и Виттенберг с поляком, по имени Стефаном Липковским, принял здесь аугсбургское исповедание и причастился, как это видно из собственной его исповеди, писаной по латыни... и по сию пору находящейся в означенном университете. Наконец он прибыл в Голштинию и явился в Нейштадт, где его поймал и заключил под стражу русский купец, по имени Петр Микляев из Новгорода...

...Во время долгих своих путешествий он изучил довольно сносно несколько языков, как-то: латинский, итальянский, турецкий и немецкий, так что на каждом из них мог излагать свои мысли.

...Как только прибыли с ним в Москву, его немедленно же отправили на пытку. Однако во время пытки и перед смертью своею он вел себя крайне упрямо... Хотя и приводили к нему для очной ставки многих прежних его добрых знакомых и друзей, бывших одновременно с ним писцами, хотя все они увещевали его признать правду, все-таки он на все их речи... отвечал молчанием... Его увели с места пытки и на другое утро опять привели сюда и допрашивали о некоторых пунктах. Он, однако, ни на один не пожелал ответить. Тогда его с пытки перевели на большую площадь перед Кремлем, прочли о его преступлениях и объявили приговор о нем: его велено было изрубить на куски... ..казнь он перенес, не выражая страданий².

Знакомясь с версией Олвария, невозможно не поразиться крайностям в характеристике Тимошки. С одной стороны, гуляка, гнусный обманщик, стремящийся только к удовлетворению своих порочных прихотей. С другой — одаренный юноша, имеющий не только немалые способности, но и сумевший их реализовать в усердной учебе, в изучении многих языков.

Второе, что вызывает недоумение: русское правительство в течение многих лет упорно и методично добивалось выдачи Акундинова от различных государств, а заполучив, его немедленно четвертовали,

даже не сумев добиться признания. Возникает естественный вопрос: за какие преступления? За то, что он «покрал многую царскую казну»? Но за подобное, по тогдашним уголовным нормам, воры и должники осуждались на виселицу или же подвергались праву. Четвертовались исключительно государственные преступники за умыслы против властей и монархов. Но был ли Тимошка замешан в подобном преступлении? Тщательно проведенное следствие не обнаружило следов тайных и коварных посягательств со стороны Акундинова на российский престол. Не был раскрыт и предполагаемый обширный и злой заговор. Единственная его явная вина заключалась в том, что он назывался князем Шуйским. Но было ли это серьезным преступлением?

Примерно в то же время другой самозванец — Иван Луба, — польский подданный, выданный Москве польским правительством за то, что назывался сыном Лжедмитрия I и Марины Мнишек, после того как признался в своем самозванстве, был с миром отпущен в Польшу.

Весьма странно воспринимается и то обстоятельство, что еще в 1650 году русское правительство, добываясь от Богдана Хмельницкого выдачи Акундинова, не считало его опасным государственным преступником. «И будет он Тимошка от того своего воровства отстанет и к нам, великому государю, вину свою принесет... и он бы на нашу государскую милость был надежен»³, — писалось в царском указе воеводам в пограничный Путивль. Но уже через год-полтора отношение к самозванцу резко изменилось. А ведь одновременно с Акундиновым в Польше, в Крыму и Турции появлялись многие подозрительные личности, выдававшие себя за потомков русских царских родов. Но ни одного из них не преследовали с такой неумолимой настойчивостью, как Тимошку.

Возможно ли теперь, хотя бы в малой степени, восстановить истину в этих событиях? Я полагаю, что не на все, но на некоторые вопросы можно попытаться ответить.

Если следовать версии Посольского приказа, то Тимошка был сыном незнатных родителей. Тогда невозможно не удивиться тому, что архиепископ Варлаам отдал за него замуж свою внучку. Сведений о жизни Варлаама сохранилось мало. Мы даже не можем с уверенностью сказать, из какого сословия он происходил. Но можно предположить, что архиепископ Вологодский и Великопермский был, несомненно, знатного дворянского (если не боярского) рода, чем и объясняется его быстрое продвижение по иерархической лестнице. Примеров того, чтобы подобных высот в то время и так скоро достигали люди незнатные, практически нет. Так могла ли семья аристократов породниться с бедным и незнатным — хотя и любимым — протеже Варлаама? Учитывая такую замкнутость тогдашнего русского общества, учитывая сословные представления о чести, следует полностью отвергнуть возможность такого мезальянса. Да и в случае, если сам Варлаам был относительно скромного происхождения, его поступок вызывает недоумение. Ведь после смерти патриарха Филарета (1633) владыка Варлаам был одним из трех кандидатов на патриаршество!

Такой человек мог найти для своей внучки мужа из знатной семьи. Но он избрал пусть многообещающего, но скромного юношу, как тогда говорили, из людей «подлого звания».

И вот за этим внешне абсурдным шагом архиепископа Варлаама скрывается, как мне кажется, нечто значительное, косвенно подтверждающее некую тайну рождения Тимошки. Возможно, что архиепископ знал об этом юноше значительно больше, чем все прочие. Не исключено, что он мог быть даже в числе тех, кому, по словам Тимошки, «отец приказал беречь его...», которые ему впрямь служили, и они его вскормили»⁴.

² Адам Олварий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

³ «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России». Т. 3. СПб., 1861. Акт № 308. С. 425.

⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. V. М., 1961. С. 465.

А кто был его отцом? По многим письмам и высказываниям самозванца чувствуется, что он и сам не был до конца осведомлен о своих родителях. Иногда он называет себя сыном царя Василия Шуйского, иногда внуком, сыном дочери Шуйского. Но царь Василий не оставил после себя детей. Так, во всяком случае, официально считалось в то время. Может быть, его родителями были внебрачные дети Шуйского. Мне в этой неуверенности и сбивчивости слов Акундинова слышится не столько неловкая ложь, сколько внутреннее сомнение, которое он не скрывает от окружающих. Начитанному и сообразительному Тимошке не составляло труда сочинить и твердо отстаивать одну определенную версию своего происхождения.

Адама Олеария поразило, что во время пытки «он вел себя крайне упрямо» и ни в чем не сознался. Но может быть, как раз все наоборот — он во всем сознался, в том числе и в своих немногих знаниях о своих родителях, но те, кто его пытал, добивались совсем других слов?

Давайте внимательно вчитаемся в пыточные и распросные речи Тимошки Акундинова:

«...государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси сказал вора Тимошку Анкудинова спрашивать и пытать. А у пытки быти боярам всем. И того же дни бояре все у земского приказа в застенке вора Тимошку спрашивали, какова человека он сын и для чего он государевым именем с Москвы сбежал в Литву и про ту его измену кто ведал, с кем он о том советовался, и хто его отпущал и детей он своих оставил? И будучи в чужих государствах для чего таким непристойным имянован — Шуйским князем назывался? И вор Тимошка сперва молчал долго. И учал говорить, вину, де, он свою к государю принесит, и объявляет, что он человек убогой, а отец его и мать же... потому, что остался мал. (В этом месте пропуск текста объясняется повреждением и утратой нижней части листа. С. М. Соловьев данное место читает как «а отец мой и мать какие люди, того не упомяну, потому что остался мал».) И как, де, с молодых лет жил у архиепископа Вологодского Варлаама, и архиепископ, де, видя его ум, называл его княжеским рождением и царевую палатую. И от этого, де, прозвания в мысль его вложилось, будто он впрямь чесного человека сын.

И после, де, того учал он проживать у дьяка Ивана Патрекеева и сидел в новой чети в подвяхих. И был ему Иван Патрекеев друг большой и оберегатель, и с ним, Тимошкою, о всем советовал, и беды свои ему, Тимошке, сказывал. И ево Тимошкино умышление все ведал. И как над Иваном Патрекеевым беда учинилась, и он, де, Тимошка, от ево Ивановы беды учал тужить, и от страху с Москвы сбежал в Литву. И в Литве, де, он будучи назывался Иваном Каразейским. И про побег ево дьяк Иван Патрекеев ведал.

И как, де, некоторые государевы люди учали ево, Тимошку, уличать и называть дьяка Ивана Патрекеева холопом и убийцей, будто он брата своего убил. И сведал, де, про то архиепископ Вологодский Варлаам и дьяк Иван Патрекеев прислали об нем в Литву свидетельственное письмо, что он, Тимошка, не холоп Ивана, но и лучше ево Ивана, и брата своего он, Тимошка, не убивал.

...И Тимошка спрашиван, хто ево Шуйским князем называться научил? И Тимошка сказал: научил, де, его называться Шуйским князем отец его Демка. (В первом неполном списке эта строчка читается несколько иначе: «научил, де, ево называца Шуйским князем мнимой отец ево Демко».) И туто ж привожена вора Тимошкина мать, старица Стефанида. И смотря на Тимошку, говорила, что он ее сын. И Тимошка против того не говорил ничего долго, тое старицу спросил, как ее зовут... И старица сказала: звали, де, ее в мире Соломонидкою, а ныне во иночех — Стефанида. И вор Тимошка сговорил, та, де, старица ему не мать, матери ево сестра родная, а была до него добра, вместо матери»⁵.

Видимо, этот документ — не подлинное распросное речи Акундинова, а краткое их изложение, подготовленное для распространения среди иностранных посольств как официальный документ. Но даже в таком виде в этих речах сохранилось много любопытной информации.

После бегства Акундинова в Польшу, по его сло-

вам, «московские люди» пытались обвинить его в убийстве родного брата и выдать за беглого холопа Патрикеева. Стоит обратить внимание на то, что в то время его еще не обвиняли в похищении двухсот казенных рублей. И не приписывали сожжения жены. Эти обвинения появились позднее, как вторая версия о преступлениях Акундинова, после того как неизменно доброжелательные к нему архиепископ Варлаам и дьяк Патрикеев своим письмом в Польшу развевали совсем, видимо, нелепую первую. Поэтому я отношусь весьма настороженно к правдивости и этой второй версии, и есть у меня определенные сомнения в искренности обвинителей. И что уж совсем непонятно, так это то, что во время пытки ему задавали вопросы, весьма далекие от тех пунктов, по которым он официально обвинялся.

Следует обратить внимание еще на одно очень важное обстоятельство: архиепископ Варлаам — вопреки предположению Олеария — был еще жив после бегства Тимошки в Польшу и занимал все ту же церковную кафедру. Нелепо предполагать, что архиепископ стал бы переписываться с человеком, пусть хотя и косвенно, но обвиненным в том, что он сжег свою жену, стал бы защищать его. А жена-то преступника, к тому же, была внучкой архиепископа! Видимо, Патрикеев и Варлаам были уверены в невинности Тимошки. Более того, не исключено, что они оба и содействовали его побегу.

В 1645 году архиепископ Варлаам был отстранен от своей должности. Уж не письмо ли в Польшу к Акундинову тому причиной?

Относительно того, какая «беда учинилась» над Иваном Патрикеевым, можно предположить, что это царская опала, наложенная на него в 1642 году после неудачного исполнения дипломатической миссии (сватовство царевны Ирины за немецкого королевича Волмера). Но почему опала Патрикеева задела Тимошку? Может быть, совсем другие события заставили его покинуть пределы России? Иван Исаакович Патрикеев из Москвы удален не был и, хотя выше дьяка уже не поднялся, продолжал долгие годы исправно служить престолу. Но даже и в случае удаления Патрикеева из Москвы у Акундинова всегда была возможность вернуться к тестю-архиепископу...

Нельзя не обратить внимания и на странную сцену встречи Тимошки с матерью в застенке.

Можно предположить, что бояре, присутствовавшие на дознании, знали о происхождении Тимошки значительно больше, чем сейчас знаем мы с вами. Не исключено, что они даже не сомневались в его родстве с Шуйским. Во всяком случае, они видели в нем равного себе по происхождению, если не выше. Тому подтверждением один эпизод, описанный Олеарием:

«Когда ему на пытке, в присутствии отраженных для этой цели знатнейших государственных советников, были заданы вопросы о некоторых пунктах и он был допрошен, он сказал, что он «не почитает никого, за исключением вельможи и боярина Никиты Ивановича Романова, достойным вести переговоры с ним» (а боярин этот был давно известен ему своей храбростью и добрым нравом). Пришлось, вследствие этого, двум из бояр отправиться к Никите и просить его зайти к нему. Тем временем Тимошка попросил пить, и когда ему принесли деревянную чашку с квасом или слабым пивом, он отказался от кваса и не захотел пить из деревянной чашки, требуя, чтобы ему дали испить меда из серебряного сосуда. Когда исполнили эту его просьбу, он поднес сосуд ко рту, но отпил лишь немного. Когда теперь боярин Никита с двумя другими боярами вошли к нему, он смиренно поклонился ему, но еще упорнее стал утверждать, что он сын царя Василия Ивановича Шуйского». Не правда ли, очень почтительное отношение к человеку, которого в официальных грамотах называли «самого простова чину и худья природы воришко»⁶?

Согласитесь, что совсем немислимо вообразить весь государственный совет обширнейшей державы

⁵ ЦГАДА. Ф. 141, оп. 1, ед. хр. 105 (1653 год). «Пыточные и распросные речи вора и изменника Тимошки Анкудинова, который назывался Шуйским князем». Лист 1—13.

⁶ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 3. СПб., 1861. Акт № 308. С. 425.

присутствующим на дознании мелкого уголовного типа. Мало того, этот тип вдруг с непонятной самоуверенностью заявляет первым лицам государства, что не почитает никого из них и требует себе в судьи других! И родовитейшие мужи России молча сносят эту оплеуху и торопливо исполняют глумливую прихоть преступника! Мыслимо ли такое? Нет, нет и нет! И вывод из всего этого напрашивается один: не был Тимошка ни самой худой породы воришкой, ни наглым обманщиком, ни уголовным преступником. Он был значительным явлением в тогдашней жизни России, надолго занявшим беспокойными хлопотами русское правительство. Это была личность в нашей истории, пусть и не сумевшая в силу обстоятельств воплотиться до конца, но, несомненно, достойная интереса.

Вот одна из перипетий его судьбы.

В начале 1650 года Акундинов появляется на Украине, у гетмана Богдана Хмельницкого. По рассказам московских торговых людей, гетман и все запорожские казаки «почитают его за честного человека и кормы ему давали нескудные». А посол белгородских воевод Василий Струков даже сообщал, что гетман поставил «Ивана Шуйского» походным атаманом и что «войска с ним казачья пошло шесть тысяч да семнадцать громат». Но, судя по всему, планы гетмана изменились, и задуманный поход не состоялся.

Некоторое время Акундинов живет в городке Лубны, в Мгарском монастыре, где «старцы почитают его за честного человека и надеются от него вперед себе от государя заступления и всякого добра». И неспроста — из монастыря Акундинов рассылает многочисленные письма путивльским воеводам, патриарху Иоисифу, царю Алексею Михайловичу, просит разрешения вернуться в Москву. Переписка продолжается долго. Чувствуется, что московскому правительству очень хочется заполучить Акундинова, но он осторожен и просит дать гарантии того, что в Москве не будет наказан. Московское правительство разрешает дать такие гарантии только в устной форме.

В письмах самозванца видны и простота, и ясность, и образovanность. Вот одно из них — к московскому посланнику Василию Унковскому: *«Всемогущая Божия сила в моей слабости такую крепость учинила, что, из смрадной челюсти турской меня освободивши, принудила, чтоб шел к Москве и покорился добровольно холопски его Царскому Величеству... Но зависть вражия от Петра Протасьева сталась и возбранила мне дорогу к государю в Москву, потому что он тайно совещался с богатыми, как бы изловить и убить неповинного. Несмотря на то, выполняя завет мой, я готов ехать к государю в Москву хотя и на вольную страсть, ничего не опасаясь по правде моей и невинности, готов показать ясно, что, хотя и в подъячих там был, однако благородия Шуйских княжат не лишен. Обещаюсь словом моим крепким и постоянным ехать к государю в Москву, если ты пожалуешь, захочешь со мною увидеться и поговорить дружеским обычаем, что воистину будет на пользу государеву делу и на прибыль, а тебе на честь и славу...»*

Многие люди ходатайствуют перед Алексеем Михайловичем за Акундинова — среди них и Богдан

Хмельницкий, и коринфский митрополит Иоасаф. За очень короткое время Тимошка сумел приобрести влиятельных друзей и заслужить немалое уважение. Всесильный генеральный писарь казацкого войска Иван Выговский — его названный брат. Этот феномен самозванца нельзя объяснить ничем иным, кроме его ума, обаяния, несомненных талантов.

Вскоре у гетмана, по всей видимости, нашлось для Акундинова важное поручение. К 1651 году Хмельницкий оказался в весьма и весьма трудном положении: не окрепшая еще после Смутного времени Россия не торопилась ввязываться в войну с Польшей, поэтому всячески уклонялась от союза с восставшей Украиной. Крымский хан вопреки ожиданиям гетмана оказался ненадежным союзником. Даже донские казаки, чувствуя свою некоторую обособленность от Украины, не столь активно помогали восставшим, как того хотелось Хмельницкому. Гетману срочно нужны были новые надежные и сильные союзники, и невольно его взор с надеждой обращался на Запад. Там были Венгрия, Австрия, Швеция... Удастся ли их вовлечь в антипольский союз, и кто это сделает? Нужен был очень надежный, знающий и умный человек. Колебался ли гетман в своем выборе? Это неизвестно, но известно, что Акундинов тайно выехал в Венгрию. Выбор был сделан. Перевернулась еще одна страница его жизни.

Спешу предупредить читателя, что в документах о самозванце, в трудах историков вы не найдете ни строчки о его тайной дипломатической миссии. Но кое-какие намеки в его письмах, сам характер его поездки дают основание предположить, что эта миссия вполне реальна.

После недолгого пребывания в Трансильвании у князя Георгия Ракоци Акундинов выезжает в Швецию. Трудно сказать, была ли его миссия успешной в Трансильвании, но, по его словам, рекомендательные письма к шведскому королевскому двору от Ракоци он получил. В Стокгольме Акундинов необычайно быстро завоевывает доверие и покровительство государственного канцлера Оксенштирна и секретаря иностранных дел Розенлиндта, а также благосклонность других более или менее значительных лиц. При их содействии он вскоре получил аудиенцию у королевы Христины, представил ей верительную грамоту, удачно объяснил поручение Хмельницкого и обратился с просьбой о покровительстве. Трудно сказать, что было тому причиной — то ли романтическая судьба москвитя, то ли его красноречие, то ли его внешняя привлекательность, — но капризная молодая королева оказывала ему сильную помощь и монаршую милость. В то время ей было 25 лет. Ее успехи в изучении иностранных языков поражали современников. Она с увлечением читала Эзопа, Юстина, Ливия, Цезаря, Вергилия, цитировала греческих историков. Увлекалась астрономией и собиранием монет...

Акундинов незадолго перед аудиенцией общался с Оксенштирном на латыни. Видимо, на этом же языке он разговаривал и с королевой Христиной. Но уже спустя несколько месяцев он пишет длинные письма на немецком. Способности этого человека просто поражают!

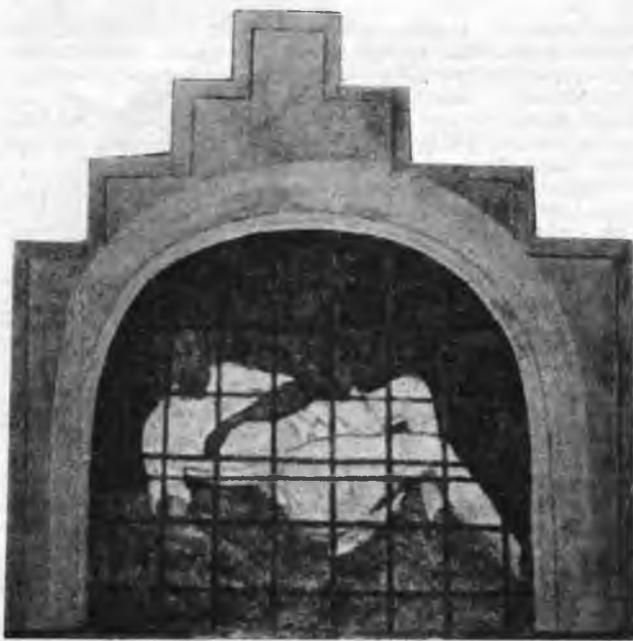
Не исключено, что он мог общаться с королевой и на итальянском, так как оба знали его. Во время своего пребывания в Польше Акундинов увлеченно занимался астрологией. Разумеется, этим двум людям было о чем поговорить, им не было скучно в обществе друг друга.

⁷ С. М. Соловьев. Там же. С. 569.

**Красная площадь. Лобное место.
Гравюра из книги Адама Олеария. Середина XVII в.**

2. «Наука и религия» № 7.

Фрагмент росписи церкви Троицы в Никитниках (Москва, Китай-город, середина XVII в.)

Акундинов пробыл в Стокгольме около трех месяцев. После того как из Москвы пришла грамота с просьбой о его выдаче, он тайно отпущен из Швеции. В Москву же послано письмо о том, что королеве не известен Тимошка. Но если это лицо является послом князя Ракоци, то он пребывал в Стокгольме под именем Sinensis и ныне отбыл в Трансильванию. Вполне дипломатичный ответ!

Акундинов еще более года остается на свободе, странствуя по немецким княжествам и Голландии. Из Москвы продолжали слать грамоты в Данию, в Голштинию, добиваясь выдачи самозванца. Официальная версия его преступлений осталась та же, но теперь еще и повторяется, что он и его верный спутник Константин Коноховский, «бегая меж государств всякую ссору чинили». Не означает ли это, что дипломатический характер путешествий Акундинова стал наконец известен Москве?

В Лифляндии на него было организовано неудачное покушение. В Голштинии он был задержан и выдан московским представителям — в обмен на информацию о торговле с Персией.

По дороге в Москву, уже в России, утратив, видимо, надежду на счастливый исход, он пытается покончить жизнь самоубийством и выбрасывается из повозки под колеса. Или это была неудачная попытка к бегству?.. Теперь его уже прикручивают к повозке и так довозят до Москвы, где его ожидают пытки и почти немедленная казнь.

В своем повествовании о самозванце Оlearий отметил немаловажную деталь: польское посольство намеренно провели мимо места казни Акундинова. Зачем?

Алексей Михайлович в течение нескольких лет прилагал немалые усилия к тому, чтобы предотвратить неизбежную войну с Польшей или хотя бы максимально выиграть время с целью подготовки к ней. Московские послы в это время неустанно заверяли Яна Казимира в мирных намерениях России. Но дипломатические усилия Акундинова, видимо, дали повод Польше подозревать Россию в тайных переговорах с ее потенциальными противниками. Московскому правительству было важно показать Речи Посполитой свою непричастность к антипольскому союзу...

Спустя месяц после казни Акундинова Украина присоединилась к России. Спустя полгода Россия двинула свои войска на Польшу. На следующий год, предварительно известив Россию, войну с Польшей начала и Швеция. Итак, союз, о котором тайно хлопотал Акундинов, состоялся. Королева Христина летом 1654 года отказалась от трона и уехала в Италию, где и прожила до конца своих дней. Неизвестно, как воспринял казнь Акундинова Богдан Хмельницкий, но

в любом случае это не прибавило ему доверия и симпатий к московскому правительству. Умер гетман в 1657 году. Названный брат Акундинова — Иван Выговский — получил на казацкой раде гетманскую булаву и начал действия с целью отсоединения от России. После военных неудач бежал в Польшу, позже был расстрелян как бунтовщик.

На этом можно было бы и поставить точку в нашей истории, но... было ли покончено с таинственным князем Sinensis'ом? С тем, кто называл себя также Иваном Шуйским!

Разве это не Тимошка Акундинов, спросите вы? И вот здесь, собственно, начинается некая тайна, которая, может быть, никогда и не будет раскрыта. Из имеющихся в нашем распоряжении исторических документов с трудом выстраивается некоторое подобие гипотезы.

Знакомясь с материалами по делу Акундинова, я не мог побороть в себе ощущения, что некая вторая тень постоянно сопровождает самозванца. Нельзя не обратить внимания на то, что самозванец ведет себя довольно странно: в одних случаях он признает, что Акундинов и он это одно и то же лицо, в других — полностью отрицает это тождество. Будучи в Лифляндии, он даже утверждал, что Тимошка Акундинов его племянник. И таких — на первый взгляд противоречивых — утверждений в документах о самозванце не сколько.

А слова Акундинова, сказанные им во время пытки, о том, что, будучи в Польше, он обвинялся московским правительством в убийстве своего брата? Если вчитаться в зачеркнутую строчку этих расспросных речей, то получится, что речь идет вовсе не о родном брате Тимошки. Да и новая строчка вписана совсем другой рукой. Видимо, кто-то пытался подогнать факты под нужную версию. И если предположить, что было два самозванца, знавших друг друга и связанных между собой определенными родственными узами, то становится понятной сцена в пыточном приказе, когда Тимошка (если вообще это был он!) не узнал своей матери и даже спросил, как ее зовут. Что касается самой Соломоницы, то ее понять можно. Вспомните слова Оlearия о том, что по делу Акундинова началось дознание, были схвачены и пытаны многие знавшие его. Некоторые даже умерли под пытками. И когда запуганной до смерти Соломониде (а возможно и пытанной!) предъявили на дыбе человека, да еще подсказали, что это ее сын, то ей пришлось невольно его узнать.

Я смею предположить, что следствие знало, какой подлог оно делало. Чтобы успокоить Польшу, чтобы застрашать иных искателей трона, на этого человека торопливо взвалили все грехи и тут же его казнили. Но, видимо, следствие не было остановлено. Правительство тешило себя надеждами поймать и подлинного возмутителя спокойствия. Поэтому и Коноховский был оставлен в живых. Он должен был опознать и уличить второго самозванца, так как неоднократно его видел.

Их было двое? Видимо, да. Поэтому один говорил о себе, что жил в Великой Перми и был взят в полон татарами, а другой утверждал, что сбежал из Москвы. Подобную версию косвенно подтверждает и письмо из Волошской земли, писанное в Москву воеводою Василием в 1639 году и извещавшее о том, что у них появился некто, называющий себя Шуйским. В 1640 году он был выдан московским посланникам и тайно умерщвлен ими. Сам Тимошка неоднократно упоминает этот случай и даже называет этого первого самозванца своим братом Симоном. Нужно ли было Тимошке приписывать себе еще и сомнительное родство с неким авантюристом? Может быть, в самом деле они были братьями? Но если самозванцев было двое, то кто же из них был казнен? Таинственный Sinensis, чей жизненный путь пересекся на короткое время с разгульным путем забубенного Тимошки Акундинова, и следствие старательно слило воедино их судьбы, чтобы надежней скрыть правду о происхождении этого загадочного человека? Или Тимошка, который и в самом деле был обыкновенным бродягой и самым заурядным уголовником?..

Вопросов гораздо больше, чем ответов. Точку ставить рано.